

КОНФЛИКТ В РОМАНЕ А.Н. ВАРЛАМОВА «ЗАТОНУВШИЙ КОВЧЕГ»

Ню Юэцю

Аспирант, Дальневосточный федеральный университет

nyu.yu@dvfu.ru

Осипова Ольга Ивановна

доцент, Дальневосточный федеральный университет

THE CONFLICT IN THE NOVEL BY A.N. VARLAMOV 'THE SUNKEN ARK'

Niu Yueqiu
O. Osipova

Summary: The article is devoted to analyze the semiotics of conflict in A.N. Varlamov's novels. The results of the analysis of binary oppositions at the level of the chronotope and the system of characters are presented. It has been found that the chronology in the novel is described as the binary opposition between Bukhara and St. Petersburg, in the images of which the correlation of old and new, true and false faith is demonstrated. The characters in the novel have established complex connections, attraction, exclusion and paired interaction, which supports the complex ideological concept in the novel, in which a person seeks the true destiny and the essence of the spiritual world.

Keywords: conflict, double, religious motivation, antonym, binary opposition, characteristic conflict.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению семиотики конфликта в романе А.Н. Варламова. Представлены результаты анализа бинарных оппозиций на уровне хронотопа и системы персонажей. Установлено, что хронотоп в романе представлен как бинарная оппозиция Бухары и Санкт-Петербурга, в образах которых продемонстрировано соотношение старой и новой, истинной и ложной веры. Между героями романа устанавливаются сложные связи притяжения отталкивания и парного взаимодействия, что в сумме поддерживает сложную идейную концепцию романа, в котором происходит поиск истинного предназначения человека и сущности его духовного мира.

Ключевые слова: конфликт, двойник, религиозные мотивы, антиномия, бинарные оппозиции, характерологический конфликт.

Алексей Варламов - известный современный российский писатель, критик и лингвист. Один из первых романов А.Н. Варламова «Затонувший ковчег» поднимает проблемы беспомощности людей перед глобальными общественно-политическими изменениями, разочарования в вере, поиска новых способов проявления религиозности в случае столкновения традиций с новыми веяниями. В этой статье рассмотрен конфликт двух религий, проявляющийся в антиномии «Ветхий Завет» (Бухара) и «Церковь Последнего Завета» (Петербург).

Конфликт - одно из самых употребляемых в литературоведении понятий. Оно настолько привычно для людей, говорящих и пишущих о литературе, анализирующих тексты, что, кажется, не требует или почти не требует более глубокого истолкования. Категория конфликта связывается с понятием антиномии (как противоречия в утверждении или противоречие утверждения самому себе), которая становится основным инструментом анализа конфликта, поскольку антиномия может быть выражена семантически [1].

Определение конфликта, которое мы применяем в нашем анализе, выглядит следующим образом: художественный конфликт - это «сумма всех антиномических векторов, сумма всех бинарных оппозиций на всех уровнях, взятых в наиболее интегрированном виде» [2]. В литературоведении довольно устойчива традиция по-

нимания конфликта как столкновения, борьбы, спора, противостояния враждующих сил, как во внешнем пространстве, так и в пространстве внутреннего мира героев. Как правило, дуализм персонажей художественного текста является лучшим свидетельством того, что отражаемая в этом тексте реальность находит отражение в характерологическом конфликте [1].

Как уже было сказано, в романе конфликт строится на противопоставлении представлений о религии «Ветхого завета» и одной из новообразованных сект «Церкви Последнего Завета», которые пространственно тесно связаны с Бухарой и Петербургом. Несмотря на географическую отдаленность, параллели между ними настолько сильны, что история одного топоса оказывается невольным продолжением другого.

В начале петровских реформ некоторые противники никонианской веры бегут из строящегося Петербурга на восток, желая найти место, где можно будет следовать своим обрядам и тем самым спасти свою душу от лукавого. Так в устье таежной реки Пустой появляется деревня Бухара. Бухара появляется как антипод антихристового Петербурга и средоточие истинной святости: «...с самого начала история Бухары пошла по своему пути. Оторванные от мира, чуть больше сотни человек жили в тайге, ни с кем не знали, никому не подчинялись и всех избегали, вступая в сношение с соседями только по

крайней нужде, чтобы купить соли, пороха или воска. Вместе с этими товарами, как отдаленное эхо суетного мира, приходили в починок известия о смене царствующих блудниц в антихристовом Петербурге, о новых войнах империи, эпидемиях чумы и междоусобных смутах, но это была совершенно другая история. Деревня жила так, как будто осталась одна на свете, а весь мир за ее чертой сделался добычей Зверя» [3]. Бухара сохраняет свои древние обычаи, старинные обряды, свою веру и не уступает современности. Она представляется как последняя священная земля, которая в период религиозного кризиса XX века, осталась верна старым заветам.

Противопоставлен Бухаре Петербург, который появляется в романе как место бездуховное, существующее вне законов природы и истинного бытия. Именно сопоставление этих двух мест производят в душе главного героя романа, Ильи Петровича, переворот: воспоминания о девственном мире Бухары заставляют по-новому взглянуть на мир Петербурга: «Через Неву ходили пешком, сонное солнце, пробивая студеное марево, лениво скользило по краю небосвода, и Илье Петровичу вспоминались заснеженный лес, звериные следы и охотничьи тропы. <...> Столько месяцев он был свободен от этих воспоминаний, но теперь они обступили его, как призраки, и первый раз директор задумался об отъезде. Его обморочная любовь к Петербургу схлынула столь же стремительно, как и пришла» [3].

В романе представлен характерологический конфликт: все герои, сбившиеся с пути, лишены какой-либо опоры в жизни, чувствуют какую-то смутную потребность в обретении жизни, отличной от той, что ведут. Их одолевает некий духовный голод по иному бытию. Таковы Илья Петрович, скульптор и глава тайного общества эротоманов Колдаев, старец Вассиан.

Илья Петрович - школьный директор, атеист который после института сразу приехал в Бухару учить детей. Путь атеиста Ильи Петровича к религии имеет определенную типичность. Полжизни он боролся с антинаучными, суеверными взглядами бухарян, пока однажды не понял всю тщетность и бессмысленность своих попыток. «Он не пил водку, не курил и не ругался матом, но зато выписывал массу журналов и газет, о которых в «Сорок втором» не слышали, а когда ездил в район, то привозил оттуда всякий раз несметное количество книг. <...> Он возил детей на экскурсии в большие и малые города, показывал им музеи и выставки и старался сделать все, чтобы его воспитанники по причине отдаленности их малой родины не чувствовали себя брошенными или в чем-то ущемленными. <...> Однако все его попытки с наскоку взять сектантскую цитадель и доказать упрямам, что Бога нет, а их Бога нет вдвойне, оказались безрезультатными» [3]. Он не мог объяснить всё своими знаниями, не мог своими атеистическими убеждениями перевер-

нуть сознание верующих. После этого он опустил, начал пить и стал похожим на всех остальных жителей поселка Сорок второго. Он стремился парализовать себя алкоголем, чтобы получить душевное утешение. Илья Петрович проявлял интерес к религиозным верованиям Бухары, его самосознание возросло, и в конце концов он захотел стать одним из Бухарян. Но дали своеобразное послушание: вернуть Машу на родину. Из-за любви к Маше, Илья Петрович отправился в Ленинград на ее поиски. Из-за проблем с пропиской Илья Петрович не мог найти работу, без постоянного места жительства превратился в нищего бродягу. После напряженных усилий Илья Петрович наконец-то нашёл Машу и вернул ее в Бухару. Поезда в «Сорок второй» не ходили, Илья Петрович с Машей отправятся в Бухару пешком по железнодорожной ветке, как паломники к святым местам. Илья Петрович начинает понимать, что вера способна поддержать его в нелегком жизненном пути и дать смысл жизни. Он сказал Маше: «Мы будем учительствовать...Мы должны соединить чистоту и строгость Бухары с лучшими достижениями человеческой мысли, мы должны примирить прогресс с верой, знание с моралью и исправить совершенную человечеством в эпоху Просвещения ошибку. С этой точки начнется отсчет новой цивилизации. Сделать это можем только мы, русские. Человеческая история зашла в тупик. Пока что этот кризис проявился со всей отчетливостью лишь у нас в России, но скоро он охватит весь мир. И тогда только мы, первыми принявшие на себя этот удар, как некогда приняли мы на себя удар монгольской орды, сможем весь мир спасти» [3]. Похоже, он закончил путь от атеизма к религиозности.

Когда Илья Петрович с Машей вернулись в Бухару, Машу приняли, а Илью Петровича остановили бухаряне. Илья Петрович продолжал скитаться. После того, как Бухара затонула, Илья Петрович не покинул тот край, несмотря на враждебность по отношению к новоприбывшим сектантам в начале, Илья Петрович помогал им выжить, родив 12 детей от женщин секты. Он учил детей не только научным знаниям, но и тому, что нужно любить друг друга и держаться вместе, чтобы победить этот мир и спасти его. Очевидны параллели с Новым заветом, в котором история спасения мира и человека начинается с учения Христа, которое тот проповедует двенадцати апостолам.

В антиномических отношениях с Ильей Петровичем находится Колдаев – петербургский скульптор, тайный фотограф-эротоман, который официально занимается изготовлением кладбищенских памятников, тайно является известнейшим в городе создателем и распространителем порнографических снимков. Сам о себе он говорит очень символично: «Фамилия моя Колдаев. Она вряд ли тебе что-либо скажет, хотя я по-своему человек известный. Особенно среди покойников» [3]. Упомянув покойников, Колдаев имеет в виду, конечно, памятни-

ки умершим, но здесь заложен и другой смысл: это знак бездуховного, пошлого увлечения художника, произведения которого известны среди таких же духовно мертвых почитателей его таланта [4]. Колдаев проходит сложный путь. Его цинизм в начале повествования сменяется глубоким раскаянием. После встречи с Машей на Московском вокзале, Колдаев начал задумываться о смысле жизни. «Он подумал о том, что когда-то в молодости мечтал о великой славе и ни за что на свете не согласился бы променять ее на достаток и покой. Он бы предпочел стать безымянным творцом шедевров, принять за это любое страдание, терпеть нужду, гонения и болезни. Его жизнь сложилась иначе, и не ему было о ней жалеть, он сам ее выбрал, но хотя бы одну работу, одну настоящую вещь ему сделать хотелось» [3]. Он хотел изменить свою жизнь, и попадает в секту. Кроме нового разочарования и усталости, в его опустошенной душе не было ничего, это не то к тому он стремился. Колдаев стал ходить в Церковь каждый день, его дом стал первым монастырем «Последнего Завета». В позднюю ночь перед посвящением Колдаев узнал тайну «Церкви Последнего Завета». «Вдруг ему почудилось, что из сауны, которую Божественный Искупитель приспособил под крещальню, доносятся необычные звуки. <...> Эти лица Колдаева испугали: обычно ко всему равнодушные и отрешенные, они выглядели восторженно и как будто сияли, но в их восторге и молитвенном экстазе ему почудилось что-то неприятное. <...> Апостолы принялись его мыть и долго дочиста терли бесчувственное тело. Во всем, что они делали, в их лицах и движениях, в слаженности и отрепетированности их действий было что-то зловещее» [3]. Колдаев бежал из своего дома, чтобы спастись. Он понял, что Люппо его обманул, и попытался исправить последствия своих поступков. В последние дни жизни он молился, исповедовался. «С болезнью он сильно переменялся. Накупил дешевеньких картонных иконок, повесил лампадку, читал Библию, плакал и много молился. <...> Несколько раз он просил, чтобы Илья Петрович отвел его в церковь. Там он исповедовался молодому священнику. Попик торопился и что-то строго и спешно ему выговаривал, а скульптор целовал холеную руку и плакал» [3]. У Ильи Петровича он находит своего рода убежище, дает ему последние наставления перед смертью: «От всех своих работ я отрекся. Господь не дал мне большого таланта, а те малые крохи, что у меня были, я бездарно промотал. Что делать, я слишком поздно это понял. Когда я умру, ты найдешь у меня под изголовьем конверт. Это единственное, что я взял из дома. Уничтожь его. Не заглядывая туда, уничтожь - и все» [3].

Жизнь обоих героев совершенно меняется после того, как они встречают Машу и влюбляются в неё. Встреча с Машей заставляет обоих героев начать поиски смысла жизни, оба видят его в приобщении к вере и Церкви. Илья Петрович обращается к старцу Вассиану, возглавляющего скит в Бухаре. Колдаев ищет спасения у

Бориса Филипповича Люппо, который является основателем «Церковь Последнего Завета» в Петербурге.

Старец Вассиан, в прошлой своей жизни Кудинов Василий Васильевич, историк бывший сотрудник университета, который выдавал себя за священника, занимался сбором редких икон и книг по самым отдаленным уголкам страны, скупая их у доверчивого населения за бесценок. И в скит он проник, желая вывезти оттуда на продажу огромное количество хранившихся там ценных старинных книг. Но попав туда, Кудинов решил остаться и глубже изучить историю этой общины. Приобретая все большую власть в скиту, он уже не спешил покинуть это место. Вера Вассиана коснулась души Вассиана, который хотел защитить Бухару от внешнего мира и сохранить ее чистоту и простоту, и после смерти старого наставника он исполнил свой долг, став более уважаемым наставником Вассианом. «На исходе знойного, сухого лета, когда по всей Руси горели леса и торфяные болота, в скит пришел никому не ведомый человек. По старой памяти его приняли и дали кров. Но напрасно любопытные насельники расспрашивали своего гостя: он был немногословен и, кроме того, что родился в верховьях Енисея и звали его Василием, ничего больше о себе не рассказал. <...> В Бухаре загадочный гость прижился, вместе с мужиками плотничал и рыбачил, к нему привыкли и приняли как своего. С годами постепенно обнаружилось его редкостное и давно позабытое усердие в вере и в верности обычаям старины. Вскоре он принял постриг с именем Вассиана, и авторитет его сделался таким большим, что по смерти старого наставника, человека доброго, но безвольного, Вассиан возглавил общину» [3].

Вассиан, прошедший путь от атеизма к вере, унаследовывает в общине единоличную власть. Со временем он проникается искренней верой бухарцев, хотя червь сомнения по-прежнему его тожит: «Он ощутил в душе какой-то мистический холодок, подобный тому, что испытывал иногда во время самых торжественных служб, когда читал Евангелие. В тот же вечер он отправился на островок. Но против обыкновения не развел костер, а зажег свечи и стал молиться. Это был первый раз, когда он молился не на людях, выполняя как бы необходимую работу, а в одиночестве молился робко и горячо. <...> Он был искренен и растерян и все время глядел на небо и просил знака. Он ждал этого знака без малого двадцать лет, ждал осуждения или одобрения своего обмана. Ему казалось в эту минуту, что может произойти все, что угодно, - разверзнуться небо, упасть ракета и поглотить грешника. Смутно мерцали звезды, ночь была лунная - Вассиан ждал. Он был готов уверовать, если бы только чудо произошло и кто-то подал ему знак» [3]. В сердце Вассиана также есть светлая тяга к вере, которая усилилась с появлением Святой Девы Маши, Религиозная вера и убеждения помогли ему устоять перед лицом искушения Люппо, не поколебавшись его решимость защитить

деревню Бухара. В конце концов, Вассиан был похоронен в море огня вместе с жителями Бухары, завершил спасение души и защитил Бухару, выполнив свою миссию как святой.

«Церковь Последнего Завета» представляла собой нетрадиционную форму нарождающихся в конце XX века российских сект. Люппо - религиозный фанатик, назвавший себя Иисусом Христом, набравший двенадцать апостолов и привлекший большое число невежественных верующих, которых вводит в заблуждение, основал «Церковь Последнего Завета» с единственной целью: завлечь в эту секту богатых последователей и обманом лишать их имущества (одним из пострадавших от этого мошенника становится и Колдаев, которого Люппо полностью разоряет, и тот становится бездомным). В процессе религиозной и социальной интеграции некоторые культовые организации, действующие под личиной новой религии, смешивают светские общества и ищут все возможности для нанесения вреда обществу и отдельным лицам. Люппо был сектантом в религиозном одеянии, который использовал религию, чтобы совершать разрушительные и унижительные поступки. Вдохновленные его прекрасной ложью, заблуждаются не только невинные и невежественные простые люди, но и представители социальной элиты, такие как художники и студенты. Именно этим слепым послушанием Люппо и воспользовался, чтобы создать свою собственную «религиозную империю» в конце XX века. По мнению Люппо, граница между правдой и ложью мало кого сейчас интересует. «В прошлые эпохи люди искали истину и за нее клали голову на плаху — нынче же истина растворилась как соль, и умирать за нее никто не хочет. Современный человек живет в мире устоявшихся представлений, как слепой с собакой поводырем, и в этом находит счастье. Любой шарлатан или сумасшедший, объявляющий себя целителем, святым, пророком, гуру, способен нынче собрать целые стадионы. Бывший милиционер провозглашает себя Христом, и по его мановению люди бросают все и идут на край света в верховье Енисея» [3]. Параллельно с банальной жаждой наживы Люппо одержим ницшеанскими идеями о сверхчеловеке, о власти над толпой и сотворении нового мира: «Они придут ко мне на поклон, и я куплю их, и они будут мне служить и вместе со мной управлять миром, пока не прозвучит финальный гонг. Я сотворю новое человечество, оставив несколько сотен скотов для размножения, которых будут держать в клетках и водить на случки, а остальные миллионы будут совершенными и свободными. Это из них я создам империю, которая будет разрастаться, пока не охватит столько земли и столько людей, сколько я смогу вместить, и ее я положу к подножию Творца, Который не сможет отринуть мой дар» [3]. На совести Люппо много зла, он искал Машу для мести судьбе. «Ей будет уготована особая роль. Я принесу ее в жертву Хозяину, ибо она слишком напоминает мне ту, из-за которой я претерпел

когда-то боль» [3]. Он пытается искушить Вассиана, чтобы все Бухаряне приняли огненное крещение Господа Иисуса Христа «Церкви Последнего Завета».

В конце XX века на Бухару обрушились и стихийные бедствия, которые поставили ее на грань голода, Бухара была захвачена людьми из «Церкви Последнего Завета». Суровые обстоятельства приблизили верующих к небу, они предпочли чистую смерть, не желая идти на компромисс со злом, сохранили свою святость. Под руководством старца Вассиана, бухаряне выбрали саможжение, крещение огнем, чтобы завершить свое обращение к Богу; сорок душ поднялись в поднебесный рай, и только один злой дух - Люппо, попал в ад [5]. В этой борьбе добра и зла дьявол Люппо явно потерпел неудачу, потому что Бухара отвергла его искушение, сохранив чистоту своей веры, а поражение дьявола подтвердило истинную веру Бухары, именно старый ритуал «показал особенные атрибуты русской нации: стойкость к страданиям, стремление к берегам мира, к конечной цели» [6]. Ещё раз взглянув на Бухару в конце XX века через призму истории, можно, несомненно, сделать вывод о том, что она является источником истинной веры русского народа, к описанию которого стремятся писатели.

Ещё хотим сказать, что образ Ильи Петровича дополняет образ Бухары, вера Бухары ближе к «Ветхому Завету», строгая, закрытая, а Илья Петрович по-своему ведет себя, как Иисус, демонстрируя в конце жизненного пути дружелюбие, миролюбие, скромность. И павший скульптор Колдаев, и сестра Маши, и даже настоятель «Церкви Последнего Завета» Люппо, питали к нему необъяснимое любопытство. Если жители Бухары являются представителями твердого и набожного ортодоксального верования в романе, то Илья Петрович является величайшим воплощением любви Христа, о которой в романе говорится, именно из-за его 12 детей, которые стали надеждой русской земли после затопления Бухары. Таким образом, вера Ильи Петровича обогатила источник веры Бухары и расширила ее содержание.

Маша, известная как «девственница» и «Святая», воплощает в себе таинственное чувство мудрости россиян, а именно Софии, это поэтому старейшина Бухары делает все возможное, чтобы найти ее и передать ей всю правду о всех ценностях и верованиях Бухары, с целью оставить её на свете. Несколько лет спустя Маша, которая стала историком и этнографом, начала искать затонувшую Бухару. Это, несомненно, является еще одним шагом в направлении поиска источников жизни и веры для современных людей [7].

В романе Бухара считается последней священной землей. По преданиям, под сосной, которые росли вокруг селения, действительно лежал обломок ковчега. Бухара была тем духовным домом, который Илья Петрович

искал: «... вдруг почувствовал, как колотит его озноб. Он подумал о том, что сейчас откроются ворота этого обетованного места, к которому шел он всю жизнь через уверенность в его ненужности, через сомнения к убеждению, что оно единственное есть тот ковчег, где можно спастись» [3]. Он уверился в том, что ковчег будет помогать Бухаре избавиться от бедствия как Ноев ковчег, являющийся спасителем и надеждой для человечества.

Название романа «Затонувший ковчег» имеет определенное символическое значение: «ковчег» возник из ковчега Ноя в Библии и символизирует любовь Божию к людям и их спасение. А в романе под ковчегом понимается Бухара, последняя святыня старой религии, после убийства Ильи Петровича Бухара затонула. Но затопление Бухары не было концом веры, потому что двенадцать его детей с их обновленной верой разошлись по

миру, чтобы нести новое слово русскому народу.

Таким образом, антиномии, в которых выражается конфликт в романе, разворачиваются в плоскости хронотопа, к которому время разбивает мир на старое (истинно религиозное) и новое (сатанистское). Эта же антиномия прослеживается на уровне топосов Бухара и Санкт-Петербург. Характерологический конфликт в романе сложнее, так как существует на взаимном притяжении-отталкивании героев. Автор использует идеи каждого из героев, чтобы показать не только крах религиозных верований на рубеже веков, но и крах духовности человека. Каждый из героев ищет свой путь к религии, так как каждый понимает, что без неё невозможна жизнь души. Именно на столкновении взглядов на духовность различных героев строится конфликт произведения А. Варламова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осипова О.И. Жанровые модификации в прозе Серебряного века: Ф. Сологуб, В. Брюсов, М. Кузмин. – М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2014. – 360 с.
2. Коваленко А.Г. Антиномизм и бинарный архетип в структуре художественного конфликта // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2003-2004. №7-8. С. 8.
3. Варламов А.Н. Затонувший ковчег. - М.: Молодая гвардия, 2002. – 448 с. URL: Затонувший ковчег - Художественная литература (azbyka.ru) (дата обращения: 15.04.2022).
4. Мельникова Н.П. Мотив двойничества в романе А. Варламова «Затонувший ковчег» / Н.П. Мельникова // Омские социально-гуманитарные чтения – 2016. - Омск, 19-21 апреля 2016. - С. 171-176.
5. 任光宣. 俄罗斯文学史 [M]. 北京大学出版社, 2003: 401. - Жэнь Гуансюань. История русской литературы. // Издательство пекинского университета. -2003- 401с.
6. 尼·别尔嘉耶夫: 《俄罗斯思想》 [M]. 生活·读书·新知三联书店, 1995, 第24页. - Н. Бердяев, Русская идея, Издательство жизни, чтения, знания, 1995, С.24.
7. 任光宣. 俄罗斯文学的神性传统[M]. 北京大学出版社, 2010: 250. - Жэнь Гуансюань. Религиозная традиция русской литературы. // Издательство пекинского университета. -2010- 250с.

© Нью Юэцю (nyu.yu@dvfu.ru), Осипова Ольга Ивановна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»